

*МАДЖАРОВ Александр Станиславович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Иркутского государственного университета. Автор 170 научных публикаций, в т. ч. 7 монографий, 4 учебных пособий (одной – в соавт.)**

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ: ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАЧАЛО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО МЕТОДА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Данная статья посвящена изучению методологии исторического исследования В.О. Ключевского, преимущественно той ее части, которая не была изложена историком, осталась скрытой в текстах его конкретно-исторических работ и одновременно предопределила их достоинства. Движение ученого «вглубь» исторической науки было отчасти обусловлено степенью изученности истории России после С.М. Соловьева, закрывшего на время возможность тотального продвижения науки «вширь». Ключевский искал историческую закономерность, но не находил ее на путях позитивизма. Выявление представлений ученого о методе исторического исследования, в т. ч. не описанных в «Методологии русской истории», и его сильных и слабых сторонах отвечает на вопрос о причинах и сути кризиса исторической науки во втором десятилетии XX столетия. Исследование субъективных, художественных оснований метода Ключевского способствует уточнению специфики научного направления историка, его места в отечественной историографии. Понять особенности междисциплинарного метода исторического исследования Ключевского можно, если соединить в динамическую систему его «рассыпанные» в статьях методологические замечания, наблюдения, заключения (в т. ч. о творческой лаборатории А.С. Пушкина), которые касаются способа проникновения в духовную ткань события, явления, в жизнь человека прошлого. Такое исследование раскрывает нового Ключевского, размышляющего вслед за Н.Я. Данилевским о существовании разных культур, необходимости «вживаться в чужую душу», рассуждающего о «нравственной восприимчивости», «сопереживании» как методе исторического познания. Последнее имеет значение для корректировки университетских курсов по историографии и методологии отечественной истории.

Ключевые слова: В.О. Ключевский, русская историография, историческое исследование, метод исторического исследования, историческая закономерность, А.С. Пушкин.

*Адрес: 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, д. 1; e-mail: massa49@yandex.ru

Для цитирования: Маджаров А.С. В.О. Ключевский: художественное начало междисциплинарного метода исторического исследования // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 5. С. 37–45 . DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.5.37

Развитие исторической науки во второй половине XIX – начале XX века. Василий Осипович Ключевский (1841–1911) создал Историю России, которая отличалась от трудов Н.М. Карамзина [1], Н.Я. Данилевского [2], А.П. Щапова [3], Н.И. Костомарова [4] И.Е. Забелина [5], К.Н. Бестужева-Рюмина [6], С.М. Соловьева [7] и других [8] постановкой новых тем, новым взглядом на проблемы государства, общества, народа, личности, колонизации и др., а также на изучение историографии, источниковедения, методологии отечественной истории. Проницательность источниковеда и историографа, глубокие знания и талант художественного изложения проявлялись в конкретно-исторических исследованиях Ключевского, в частности «Курсе русской истории». Он изучал историю России и вводил в научный оборот результаты своих изысканий в период с 60-х годов XIX века по первое десятилетие XX века включительно. Сочинения Ключевского, в т. ч. не публиковавшиеся при жизни, издавались и после его кончины.

В работе «Русская историография 1861–1893», написанной не ранее 3 декабря 1902 года, историк невысоко оценивал внешние условия, в которых существовала историческая наука в годы становления его карьеры ученого и педагога. «Последние четыре десятилетия минувшего века, – писал он, – нельзя признать особенно благоприятным временем для правильного и деятельного развития в нашем обществе наклонности к историческому размышлению»¹. Направление эволюции исторического знания, изменение структуры поля гуманитарных исследований предопределяли и внутренние процессы исторической науки. Когда Ключевский начинал профессиональную карьеру ученого (его первая книга «Сказания иностранцев о Московском государстве» увидела свет в 1866 году), в отечественной историографии были представлены взгляды историков разных научных направлений: теории официальной народности,

славянофильства, государственной школы, демократического направления.

Статус исторической науки менялся под воздействием трудов историка государственной школы, профессора Московского университета С.М. Соловьева. В годы написания и публикации его 29-томной «Истории России с древнейших времен» (с 1851 по 1879 год выходило по тому ежегодно) возможности масштабного освоения «целины», движения исторической науки «вширь» заметно сокращались. Новое состояние науки о прошлом предполагало изменение вектора исследований, ориентировало ученых на движение «вглубь» проблемы. На смену *тотальной «истории России»* пришла *«история» проблемная*, предполагающая новое осмысление структуры, особенностей, методологии исторического познания. Лекции и труды Соловьева, в частности идея колонизации (освоения) страны, а также масштабность его проекта оказали влияние и на Ключевского. В «Курсе русской истории» последний освещал прошлое Отечества выборочно, раскрывая отдельные темы. «Курс истории, – подчеркивал он во второй лекции своих чтений, – далеко не вся история»².

Ключевский овладел всеми специальными историческими дисциплинами своего профиля (не считая собственно истории России): источниковедение, историография, методология истории; вел соответствующие предметы в высшей школе. Он разработал, преподавал студентам и опубликовал «Курс русской истории», завершённый реформами Александра II и – в сравнении с «Историей России» Соловьева – хронологически продвинутый на сто лет вперед.

Итоги многолетнего труда ученого воплотились в книгах, письмах, дневниковых записях, афоризмах, «Литературно-исторических набросках», «Мыслях о русских писателях». Из-под пера историка вышли книги: «Сказания иностранцев о Московском государстве» (1866), «Древнерусские жития святых как исторический

¹Ключевский В.О. Русская историография 1861–1893 // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М., 1987–1990. Т. VII. С. 382.

²Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Указ. соч. Т. I. С. 59.

источник» (1871), «Боярская дума Древней Руси» (1882), «Курс русской истории» (1904, 1906, 1908) и др.

Ключевский, будучи доцентом, а затем – профессором, на протяжении 30 лет (1879–1909) преподавал русскую историю в Московском университете. Многие годы он одновременно читал лекции в Московской духовной академии (1871–1907), Александровском военном училище (1871–1887), на Высших женских курсах Герье (1872–1887), в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1900–1910).

М.В. Нечкина о «Методологии русской истории» В.О. Ключевского. В историографической практике второй половины XIX века осмысление методологии исторического познания отставало от конкретно-исторического исследования. «Нашу русскую историческую литературу нельзя обвинить в недостатке трудолюбия, – подчеркивал Ключевский в первой лекции курса «Методология русской истории» (1884), – она многое обработала; но <...> она сама не знает, что делать с обработанным ею материалом»³. Для ликвидации отставания необходимо было вербализовать метод исторического исследования. Ключевский предпринял такую попытку: разработал и стал преподавать студентам Московского университета «Методологию русской истории».

С «Методологией» он начал знакомить студентов в 1884–1885 годах. Сформулированная и разложенная «по полочкам» логика исторического познания, вероятно, не удовлетворяла историка⁴, и поэтому курс лекций при жизни автора не издавался, а впервые увидел свет лишь в 1989 году. Метод важен для ученого не только сам по себе – исследование должно было способствовать открытию исторической закономерности. В опубликованных лекциях Ключевский говорил о возможностях исторического познания, но наедине с собой, в дневнике, признавался в том, что историческая закономерность ускользала от выявления и логического анализа⁵.

Факт неудачи, которую потерпел Ключевский на пути открытия исторической закономерности в «Методологии», подтвердила и автор известного труда об ученом, академик М.В. Нечкина: «Итог поисков исторических законов привел лектора к явному краху. Он не мог сформулировать ни одного» [9, с. 266]. Нечкина рассматривала Ключевского как исследователя, который не пошел по магистральному, марксистскому, пути развития исторической науки, а исповедовал ошибочную идеалистическую историческую концепцию. Она критически оценивала его «Методологию» и считала «практически бесполезной <...> для самого автора». Ключевский, по ее мнению, «не испытывал необходимости пользоваться» постулатами, изложенными в этой работе [9, с. 267].

Нечкина как проницательный исследователь видела не только недостатки «Методологии», но и научные достижения, воплощенные в трудах Ключевского. По словам академика, «идеалистическое в своих исходных позициях» «конкретно-историческое повествование» ученого было «много выше» его «Методологии». «Готовясь к изданию “Курса”, Ключевский, – подчеркивала она, – стремился <...> к углублению и разработке особой его стороны – художественности изображения, живого восстановления русского прошлого» [9, с. 267, 404]. Однако специальное изучение специфики «художественного изображения» прошлого историком и в целом его идеалистической методологии не входило в задачи Нечкиной.

Исследователи XX–XXI веков, как правило, не касались специфики идеалистического метода Ключевского, и этот вопрос остается открытым [10–13].

Действительно, реальный метод Ключевского был богаче схемы, изложенной в его лекциях. В дневниковых записях, исследованиях по истории культуры, лекциях о религиозном расколе Русской православной церкви историк

³Ключевский В.О. Методология русской истории // Ключевский В.О. Указ. соч. Т. VI. С. 5.

⁴Там же. С. 5–93, 452.

⁵Ключевский В.О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В.О. Указ. соч. Т. IX. С. 325, 326, 333.

предъявлял свой взгляд на методологию, выходящую за рамки лекций, описанных им *объективного и субъективного* методов.

Опираясь на размышления Ключевского, рассмотрим особенности художественной составляющей его метода исторического исследования. Наша статья будет способствовать выявлению нового, далекого от позитивизма образа Ключевского, владеющего тонким инструментарием, умеющего «вживаться в чужую душу», раскрывающего значение «нравственной восприимчивости», «сопереживания» как метода исторического познания. Последнее имеет значение для корректировки университетских курсов по историографии и методологии отечественной истории.

В.О. Ключевский о методе исторического исследования. В «Методологии русской истории» Ключевский открыл лабораторию исследования отечественного прошлого, выявил метод и вывел его в отдельную структуру. Историк описал его механизм, который укладывался в рамки логики научного познания (предмет, метод, исторический процесс, союзы, элементы, отношения, силы и др.).

Проблемы методологии истории Ключевский рассматривал также в первой и второй лекциях «Курса русской истории» (1904). Он сформулировал свой взгляд на предмет исторической науки. Последний, по мнению ученого, включал «историю культуры или цивилизации» и «науку об обществе» – «историческую социологию»⁶. Историю России Ключевский определял как «историческую социологию», которая предполагала применение в исследовании объективного метода – наблюдения, сопоставления, обобщения явлений. Ученый подчеркивал в теории, что история не учитывает деятельность индивидуума, однако в реальных трудах по истории России переступал за рамки своих определений предмета и метода.

В «Методологии» (1884) Ключевский поддерживал идею культурно-исторических типов

Н.Я. Данилевского, развитую О. Шпенглером [14, с. 72–95]. Вслед за автором книги «Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций» (1869) Ключевский отмечал, что «культур в современном человечестве несколько, и все они существенно различаются между собою»⁷. Это принципиальное теоретическое положение противопоставляло его доктрину государственной школе, в частности концепции С.М. Соловьева.

Ключевский признавал самобытность культур, выступал на стороне славянофилов, которых в свое время критиковал его учитель. Из такой теоретической позиции следовали методологические выводы: особенности культур предопределяли специфику методов их изучения; только объективный метод не способен раскрыть эти особенности: «Выбор и оценка явлений у историка-магометанина необходимо должны быть не те, какие встречаем у историка-христианина; приемы изучения историографии азиатской необходимо должны отличаться от приемов изучения историографии европейской»⁸. Взгляды историков и методы их исследования, по справедливому замечанию ученого, отличались и в пределах одной культуры. В истории цивилизаций и местной истории (истории России) явления выбирались «по личному усмотрению», требовали применения субъективного метода.

В своих исторических трудах ученый опирался на описанные им объективные и субъективные приемы исследования: наблюдение, сопоставление, обобщение, подбор явлений, их связь и оценка, однако они не исчерпывали инструментария ученого.

В.О. Ключевский о художественном методе познания истории. Ключевский на протяжении всей своей творческой жизни размышлял над историческим методом, логикой научного и художественного познания: разбирался в особенностях религиозного мировоззрения, изучал художественную литературу,

⁶Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Указ. соч. Т. I. С. 34, 35.

⁷Ключевский В.О. Методология русской истории. С. 71.

⁸Там же. С. 72.

ценил поэзию, музыку, живопись. Его реальный метод исторического исследования, говоря современным языком, был междисциплинарным. Историк развивал взгляд на методологию, выходящий за рамки его публичных чтений.

Еще до лекций о старообрядчестве, в 1868 году, Ключевский в дневнике рассуждал об отношении своего поколения к истории России – размышлял о возможностях «творческого духа», излагал вариант методологии погружения в минувшее страны: «С прелестью теплого насиженного гнезда восстает <...> минувшее, восстает <...> в той волшебной переделке, какую способно производить с прошедшим только пережившее его сердце <...> является возможность вновь пережить прожитое <...> в идеальной редакции, ибо здесь хозяйничает уже творческий дух, а не внешние силы»⁹.

Ключевский, как и Н.М. Карамзин, был ценителем художественного начала в научном исследовании. В 1897 году, спустя 12 лет после написания «Методологии», в набросках к лекции «О взгляде художника на обстановку и убор изображаемого им лица» ученый раскрыл субъективную методологию познания мира человека. Он считал, что к изучению прошлого историку следует подходить с положительным нравственным настроением. Нельзя судить о человеке прошлого только по своему «впечатлению». Прежде всего надо быть справедливым, а для того снисходительно и доброжелательно «войти» в его «чувства и потребности»:

«Нарядные иконостасы, пышные костюмы <...> формы отношений. Впечатление суетности, тщеславия, грубого великолепия, низкопоклонства, раболепия. [Все это производит] на нас <...> впечатление чего-то тяжелого <...> нехристианских чувств и интересов. Готовы удивиться, как это люди, знавшие I главу пророка

Исаии [так поступали]. Но мы не обличаем, а изучаем. <...> Справедливее, человечнее и *научнее*» строить свои заключения, опираясь на «те чувства и соображения <...> те впечатления, которые на них (людей прошлого. – А. М.) производила их *собственная работа?*»¹⁰

В более поздних набросках к вышеупомянутой лекции (1900) Ключевский делился идеями о соотношении формы и содержания в жизни: «У художника не особое понимание историческое, а только особенное внимание к некоторым явлениям <...> Мышление образами или звуками». Для того чтобы «мышление образами» достигло «выразительности», художник, согласно Ключевскому, должен «понимать связь художественной формы с <...> содержанием, в ней выражающимся»¹¹.

В лекции № 54 («Курс русской истории», 1908), посвященной старообрядчеству, историк продолжил разговор о специфике художественного явления, предопределяющей характер приемов его исследования. Особенности такого явления Ключевский видел и в неразрывной связи содержания и формы: «Идея или мотив органически срастаются с выражающим их текстом, обрядом, образом, ритмом, звуком»¹². Если оторвать содержание от формы, то явление литературы, живописи, музыки утрачивает свое эстетическое содержание: «Забудьте рисунок или музыкальное сочетание звуков, которое вызвало в вас известное настроение, и вам не удастся воспроизвести это настроение»¹³. Заметим, что в историческом познании такой разрыв ведет к искажению картины исторического прошлого.

В этой же лекции Ключевский размышлял о соотношении логического, художественного и религиозного познания. В рамках темы «Сила религиозных обрядов» он коснулся значения

⁹Ключевский В.О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В.О. Указ. соч. Т. IX. С. 294.

¹⁰Ключевский В.О. О взгляде художника на обстановку и убор изображаемого им лица // Ключевский В.О. Указ. соч. Т. IX. С. 465.

¹¹Там же. С. 467.

¹²Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Указ. соч. Т. III. С. 271.

¹³Там же.

логики в изучении мира людей. По словам исследователя, «далеко не все постигается логическим мышлением и, может быть, даже постигается им наименьшая доля постижимого»¹⁴. «Как подведете вы музыкальный мотив под логические схемы?» – задавался он вопросом.

Историк сравнивал религиозный обряд, художественный текст с фонографом, который запечатлел нравственный, эстетический момент. Мысли и чувства, направлявшие жизнь людей, «отлились» в обряды, обычаи. Из них постепенно «складывалось людское общежитие». Ученый, по словам Ключевского, способен раскрыть этот «нравственный момент». Нужно лишь «воспроизвести» обряд или (прочитать) текст «и по степени своей нравственной восприимчивости пережить его действие»¹⁵.

Историк разделял жизнь и познающий ее творческий дух, способный реконструировать минувшее. Он размышлял о том, как пережить (воспроизвести) прошлое в «идеальной», достоверной редакции. Методологический прием «нравственной восприимчивости», «сопереживания» Ключевский распространял на историческое познание «людского общежития», истории.

В.О. Ключевский о творчестве А.С. Пушкина. Историки и литераторы по-своему участвовали в едином процессе познания мира. Историки стремились воссоздать прошлое, используя систему понятий, логику, а литераторы изучали жизнь с помощью художественного образа.

Ключевский с уважением и одновременно критически относился к трудам своих коллег. Напомним его суждения о героях «Истории государства Российского» Карамзина: это «особые люди, живущие своей особой героической жизнью, сами себя родят, убивают <...> и потом куда-то уходят, иногда сильно хлопнув картонной дверью. Они <...> не движутся, не растут и не стареют, уходя со сцены такими же,

какими пришли на нее»¹⁶. Критический анализ концепции Карамзина свидетельствовал о том, что просветительский инструментарий последнего был исчерпан. Кроме того, Ключевского не удовлетворяла и методология государственной школы.

За спиной литераторов незримо стоял А.С. Пушкин, но к творчеству великого поэта проявляли интерес и историки. Этот интерес усилился в период кризиса позитивистской методологии исторического исследования. Ключевский обращался к произведениям Пушкина, опираясь на опыт своих исследований. Историк не мог не видеть величия его достижений в познании мира и не понимать того, что обычная историография таких достижений не имеет.

Творчеству А.С. Пушкина Ключевский посвятил ряд статей: «Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 года в день открытия памятника Пушкину», «Евгений Онегин и его предки» (1887), «Памяти Пушкина» (1899). В этих исследованиях он попытался раскрыть значение феномена Пушкина для русской истории и культуры, особенности его творчества.

В «Речи, произнесенной в торжественном собрании Московского университета...» Ключевский размышлял о соотношении исторического и художественного начал в творчестве поэта. Он считал, что «Онегин – лицо, столько же историческое, сколько поэтическое»: «В наши дни можно дивиться верности глаза Пушкина», оставившего «связанную летопись <...> общества в лицах за сто с лишним лет»¹⁷.

В статье «Евгений Онегин и его предки» Ключевский поставил вопрос об отношении поэзии к действительности, значимый для историка. Спрашивая о том, кто Онегин, «греза <...> или портрет, срисованный с живого

¹⁴Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Указ. соч. Т. III. С. 271.

¹⁵Там же. С. 27.

¹⁶Ключевский В.О. Русская историография 1861–1893 // Ключевский В.О. Указ. соч. Т. VII. С. 274–275.

¹⁷Ключевский В.О. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 г. в день открытия памятника Пушкину // Ключевский В.О. Указ. соч. Т. IX. С. 83.

человека», сам и отвечал: «...это несовременная нам быль»¹⁸.

В речи «Памяти Пушкина», произнесенной на торжественном заседании в Московском университете 26 мая 1899 года, Ключевский ответил на вопрос об источнике гениальности поэта: по его мнению, источником являлся «одаренный личный дух», стремящийся «проникнуть в <...> смысл жизни»¹⁹. Историк ценил умение поэта дать целостный образ мира, считал его человеком Ренессанса. Пушкин, по словам Ключевского, был знатоком «души человеческой», обладал «необъятным протяжением поэтического голоса»²⁰. В его поэзии мир укладывался в стройное мировоззрение: «Самое незатейливое ежедневное чувство и редкий порыв человеческого духа – все это выходит у Пушкина реально-точно»²¹.

Ключевский выводил творчество Пушкина на общечеловеческий уровень, считал его «русским народным отзвуком» общечеловеческой работы. По его словам, великий поэт «показал нам, как русский дух <...> попытался овладеть всем поэтическим содержанием мировой жизни, и восточным и западным, и античным и библейским, и славянским и русским»²². В то же время Ключевский видел национальные корни творчества Пушкина, его народность. Историк считал, что народ обладает «особым образом мыслей и чувствований», который сформировался под действием особых физических и нравственных условий жизни.

Ключевский ставил личность поэта и врожденность с народом, и выше народа, считал деятельность Пушкина «великой деятельностью», воплощением народного дела, показателем народного роста и одновременно – указанием

пути развития народа. Поэт, по словам историка, первым увидел в «массе <...> облик народа» и увековечил его в своей поэзии, поставив задачу будущим поколениям: «...отделять от своего народного существа все лишнее» до тех пор, пока народ не явится перед миром «с тем обликом, который провиден поэтом»²³.

В.О. Ключевский о художественном методе А.С. Пушкина. Ключевский писал о нравах дворянского общества, театре, образовании, литературе. Помимо заметок о М.Ю. Лермонтове, Н.В. Гоголе, Ф.М. Достоевском и других он дал мастерские характеристики Нилу Сорскому, Иосифу Волоцкому, Борису Годунову, патриарху Никону, Юрию Крижаничу, Григорию Котошихину, Симеону Полоцкому, царю Алексею Михайловичу, Афанасию Ордину-Нащокину, Петру I, Екатерине II, Александру I, в которых раскрывал субъективное начало истории.

В статьях по истории литературы, посвященных А.С. Пушкину, Ключевский фактически описывал метод поэта. Он подчеркивал «необъятное протяжение поэтического голоса» Пушкина: масштабность предмета его исследования, а также «необычайную восприимчивость и гибкость» его метода, соответствующие тонкой диалектике жизни. Важной особенностью метода творца, считал Ключевский, являлось и то, что он видел в жизни явления, «незаметные для простого глаза»²⁴.

По словам историка, метод Пушкина заключается в умении «проникать в самые разнообразнейшие людские положения», «вживаться в чужую душу <...> в дух <...> самых несродных <...> народов», в «Коран и Анакреона, и Шенье и Парни, и Байрона и Данте, и рыцарские

¹⁸Ключевский В.О. Евгений Онегин и его предки // Ключевский В.О. Указ. соч. Т. IX. С. 86.

¹⁹Ключевский В.О. Памяти Пушкина // Ключевский В.О. Указ. соч. Т. IX. С. 105.

²⁰Там же. С. 102.

²¹Там же.

²²Там же. С. 105.

²³Там же. С. 107.

²⁴Там же. С. 105.

ИСТОРИЯ

времена и песни западных славян, и волшебные сказания старинной русской былины и темную эпоху Бориса Годунова»²⁵. Понятно, что приведенный Ключевским анализ метода поэта противоречил обычным позитивистским процедурам исторического познания: выявленные особенности отличали приемы Ключевского от «тяжелого» инструментария историка.

Пушкин был великим мастером синтеза: мог собрать, по словам Ключевского, рассеянные

«проблески разума в светоч» и, «сжигая нечистую примесь времени», поднять жизнь народа из разорванного текущего времени в вечность русской культуры. Пушкин был соразмерен истории, тайне бытия, именно поэтому сумел осветить путь нашей страны. Осветить пути отечественной истории стремилась и русская историческая литература, а метод Пушкина как идеал, которого историография должна достичь в будущем, способствовал решению этой задачи.

Список литературы

1. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 3 кн. М., 1988–1989.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций. М., 2014. 592 с.
3. Шапов А.П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань, 1859. 549 с.
4. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 кн. М., 1990.
5. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях: в 3 кн. Кн. 1. Государев двор, или дворец. М., 1990. 416 с.
6. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. М., 2007. 416 с.
7. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. I. История России с древнейших времен. М., 1988. Т. 1–2. 799 с.
8. Маджаров А.С. Афанасий Прокопьевич Шапов: история жизни (1831–1876) и жизнь «Истории». Иркутск, 2005. 528 с.
9. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974. 638 с.
10. Александров В.А., Янин В.Л. Предисловие // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. I. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987. С. 5–32.
11. Рубинштейн Н.Л. Русская историография / под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрик. СПб., 2008. 938 с.
12. Алеврас Н.Н. В.О. Ключевский и его школа (фрагменты лекционного курса «Отечественная история») // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер.: История. 2007. Вып. 20, № 11. С. 132–146.
13. Гришина Н.В. Школа В.О. Ключевского в пространстве русских литературно-художественных традиций // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. Вып. 22, № 21. С. 134–147.
14. Маджаров А.С. История России в теории цивилизаций: моногр. Иркутск, 2014. 211 с.

References

1. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Moscow, 1988–1989.
2. Danilevskiy N.Ya. *Rossiya i Evropa. Epokha stolknoveniya tsivilizatsiy* [Russia and Europe. The Age of the Clash of Civilizations]. Moscow, 2014. 592 p.
3. Shchapov A.P. *Russkiy raskol staroobryadstva, rassmatrivaemy v svyazi s vnutrennim sostoyaniem russkoy tserkvi i grazhdanstvennosti v XVII veke i v pervoy polovine XVIII. Opyt istoricheskogo issledovaniya o prichinakh proiskhozhdeniya i rasprostraneniya russkogo raskola* [Russian Schism of the Old Believers Considered in Connection with the Inner State of the Russian Church and Citizenship in the 17th and First Half of the 18th Century. Experience of Historical Research on the Causes of the Origin and Spreading of the Russian Schism]. Kazan, 1859. 549 p.
4. Kostomarov N.I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneyshikh deyateley* [Russian History in Biographies of Its Most Important Figures]. Moscow, 1990.

²⁵Ключевский В.О. Памяти Пушкина. С. 105.

5. Zabelin I.E. *Domashniy byt russkikh tsarey v XVI i XVII stoletiyakh. Kn. 1. Gosudarev dvor, ili dvorets* [Domestic Life of Russian Tsars in the 16th and 17th Centuries. Book 1. Sovereign's Court, or Palace]. Moscow, 1990. 416 p.
6. Bestuzhev-Ryumin K.N. *Russkaya istoriya* [Russian History]. Moscow, 2007. 416 p.
7. Solov'ev S.M. *Sochineniya. Kn. 1. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [Works. Book 1. History of Russia from the Earliest Times]. Moscow, 1988. Vol. 1–2. 799 p.
8. Madzharov A.S. *Afanasiy Prokop'evich Shchapov: istoriya zhizni (1831–1876) i zhizn' "Istorii"* [Afanasy Prokopyevich Shchapov: The History of Life (1831–1876) and the Life of "History"]. Irkutsk, 2005. 528 p.
9. Nechkina M.V. *Vasily Osipovich Klyuchevskiy* [Vasily Osipovich Klyuchevsky]. Moscow, 1974. 638 p.
10. Aleksandrov V.A., Yanin V.L. Predislovie [Foreword]. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya. T. I. Kurs russkoy istorii* [Works. Vol. 1. A Course on Russian History]. Pt. 1. Moscow, 1987, pp. 5–32.
11. Rubinshteyn N.L. *Russkaya istoriografiya* [Russian Historiography]. St. Petersburg, 2008. 938 p.
12. Alevras N.N. V.O. Klyuchevskiy i ego shkola (fragmenty lektsionnogo kursa "Otechestvennaya istoriya") [Klyuchevsky and His School (Fragments of the Course of Lectures "Domestic History")]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya*, 2007, iss. 20, no. 11, pp. 132–146.
13. Grishina N.V. Shkola V.O. Klyuchevskogo v prostranstve russkikh literaturno-khudozhestvennykh traditsiy [V.O. Klyuchevsky's School in the Space of Russian Literary and Artistic Traditions]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 21, pp. 134–147.
14. Madzharov A.S. *Istoriya Rossii v teorii tsivilizatsiy* [History of Russia in the Theory of Civilizations]. Irkutsk, 2014. 211 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.5.37

Aleksandr S. Madzharov

Irkutsk State University;
ul. K. Marksa 1, Irkutsk, 664003, Russian Federation;
e-mail: massa49@yandex.ru

VASILY KLYUCHEVSKY: ARTISTIC ORIGIN OF THE INTERDISCIPLINARY HISTORICAL METHOD

This article studies Vasily Klyuchevsky's methodology of historical research, particularly that part of it which was not formulated by him but remained implicit in his historical works, making their strong point. Sergey Solovyov, who had embraced the entire history of Russia and developed the science "in breadth", left Klyuchevsky almost no choice but to go "deep". Klyuchevsky was searching for a consistent historical pattern but could not find it within the positivist paradigm. This paper identifies Klyuchevsky's ideas about the historical method, including those that were not described in his *Methodology*, as well as its strong and weak points, revealing the causes and essence of the crisis of historical study in the 1920s. Having looked into the subjective, artistic foundations of Klyuchevsky's method, the author of this paper was able to define more exactly the specifics of Klyuchevsky's school and his place in Russian historiography. His interdisciplinary historical method can be fully understood if we create a dynamic system of his methodological comments, observations and conclusions (including those on Alexander Pushkin's creative laboratory), scattered over his numerous articles, about the way in which one can penetrate into the spiritual fabric of events and phenomena as well as into the life of people of the past. Such a study reveals a new Klyuchevsky, who, following Nikolay Danilevsky, reflects on the existence of different cultures and the need to "get the feel" of others' soul as well as talks about moral receptivity and empathy as a method of historical knowledge. The latter is of importance for revising university courses on historiography and methodology of Russian history.

Keywords: V.O. Klyuchevsky, Russian historiography, historical research, historical method, historical regularity, A.S. Pushkin.

Поступила: 19.04.2017
Received: 19 April 2017

For citation: Madzharov A.S. Vasily Klyuchevsky: Artistic Origin of the Interdisciplinary Historical Method. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 5, pp. 37–45. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.5.37